

Глава 32. Горный бог: лик человека, тело барана

Ледяной ветер налетел внезапно, наполнив собой всё пространство.

Гун Шичжу неподвижно застыл на месте. Старые раны на его теле уже затянулись, но на фоне здоровой кожи тёмные рубцы выглядели пугающе.

Рыжий кот, Эр Пан, едва слышно прошептал хаски:

— Смотри на него... Со спины он кажется таким одиноким.

Да Ша ответил со свойственным ему напускным глубокомыслием:

— Человеку всегда приходится учиться прощаться со старыми друзьями, чтобы в одиночку отправиться в путь к новым.

Эр Пан ненадолго задумался, а затем подошёл к юноше и ткнул его лапой. Глядя на него своими подведёнными грязью «панда-глазами», он многозначительно протянул:

— Послушай, человеческий детёныш. Старое уходит — новое приходит. Мы трое — древние божественные звери. Если ты принесёшь нам в жертву ту еду, что у тебя в руках, мы даруем тебе покой и радость, а может, даже исполним какое-нибудь крошечное желание...

Он хотел лишь немного утешить его и разрядить гнетущую тишину, но не успел договорить.

Подросток вдруг пошатнулся, взгляд его затуманился, в глазах отразилось полное смятение. Его забило крупной дрожью, а с губ сорвалось нечленораздельное мычание.

— Бах! — Гун Шичжу, словно лишившись сил, рухнул прямо в дорожную пыль.

Трое пушистых замерли в оцепенении, глядя на распростёртое в грязи тело. Рыжий кот в ужасе вздыбил шерсть:

— Это что, подстава?! Я его даже пальцем не тронул! Вы свидетели, я ни при чём!

Да Ша тоже запаниковал. Глядя на бледное, искажённое болью лицо юноши, он выпалил:

— Искусственное дыхание поможет? Я готов!

Сань Ва, сирийский хомяк, гневно пискнул:

— Стоять! Никому не шевелиться! Сначала переложите его на ровное место.

Дыхание Гун Шичжу стало прерывистым, взгляд блуждал, а он продолжал шептать бессвязные обрывки слов.

В самой деревне Цзян Чаншэн, только что закончивший отчитывать местных сорванцов, внезапно обернулся в сторону реки.

— Мне показалось, или я только что слышал голоса своих оболтусов? — На его лице отразилось беспокойство.

Он посмотрел на Мо Ци:

— С ними ведь ничего не случится?

Мо Ци бросил мимолётный взгляд вдаль и холодно произнёс:

— Нет. Единственный источник демонической энергии поблизости — это слабенький дух карася. С ним они и сами справятся.

Услышав это, Цзян Чаншэн немного успокоился.

Вдвоём они направились к реке и вскоре увидели «свирепую» троицу, которая когтями отчаянно пыталась привести в чувство лежащего на земле юношу. Подойдя ближе, лавочник узнал в нём Гун Шичжу.

Цзян Чаншэн, недолго думая, отвесил каждому из зверей по увесистому щелбану.

— Стоило мне отлучиться, как вы принялись издеваться над человеком!

— Так вот ты о нас какого мнения?! — Эр Пан был готов разрыдаться от несправедливости. — Я всего лишь попытался заняться честным вымогательством, а он взял и упал в обморок! Я сам в шоке!

Цзян Чаншэн промолчал и, сохраняя бесстрастное лицо, просто за шкуру забросил рыжего кота в реку.

— А-а-а! — Забарахтавшись в воде, Эр Пан закричал: — Я пошутил! Я просто хотел его подбодрить! Как ты мог так со мной поступить?! Я больше не твой любимец!

Он уже собирался выпрыгнуть на берег, как вдруг заметил под водой тёмную тень. Прямо мимо него стрелой пронёсся крупный карась и мгновенно исчез в глубине. В глазах кота блеснул странный огонёк.

Тем временем Цзян Чаншэн склонился над Гун Шичжу. Почувствовав, как в теле юноши беспорядочно бурлит духовная энергия, он мягким касанием помог ей успокоиться.

— Он не отравлен, — заметил Мо Ци. — И это не результат внешнего удара.

— Тогда почему он потерял сознание?

Ответ пришёл от проходившего мимо жителя с коромыслом. Мужчина посмотрел на Гун Шичжу, и в его взгляде промелькнуло нечто трудноописуемое.

— А, этот... У него такая беда с самого детства.

— С детства?

— Да. Мало того что глухой, так ещё и впадает порой в такое вот беспамятство, словно разум его покидает. Кто знает, что там внутри творится. Советую вам держаться от него подальше — поговаривают, в него нечисть вселилась.

Несмотря на попытки скрыть неприязнь, Цзян Чаншэн отчётливо разглядел её в глазах крестьянина.

Узнав дорогу, лавочник решил проводить подростка домой. Погладив мокрого Эр Пана по голове, он примирительно произнёс:

— Извини, я ошибся.

Кот гордо вскинул хвост и расправил усы:

— «Ошибся»? Ты разбил нежное сердце маленького котика!

— И чем же можно исцелить это сердце? Духовной снадью?

— Хм! Думаешь, меня так легко подкупить? Но... если ты приготовишь острую жареную рыбку, я, возможно, подумаю о прощении.

Гун Шичжу оказался сыном старосты. Когда Цзян Чаншэн постучал в ворота, им открыла женщина в годах с заметно округлившимся животом. Она с подозрением оглядела неожиданных гостей.

— Простите, — обратился Цзян Чаншэн, — у этого мальчика случился приступ, и мы решили доставить его до дома.

Женщина взглянула на юношу и вежливо, но холодно ответила:

— А, понятно.

В этот момент Гун Шичжу, услышав, видимо, знакомый голос, медленно открыл глаза. Его взгляд всё ещё застилала пелена тумана.

— Ступай в дом, — негромко бросила ему женщина. В её голосе слышалось странное, едва уловимое раздражение.

Подросток, понурив голову, послушно зашёл внутрь, лишь на мгновение обернувшись на своих спасителей. В ту же секунду рыжий кот подбежал к нему и быстро прошептал:

— Она всё-таки переживает за тебя.

Гун Шичжу не ответил, лишь опустил голову ещё ниже. Перед ним сидел рыжий меховой комочек и пристально смотрел на него янтарными глазами.

Вскоре вернулся староста. Узнав о случившемся, он горячо поблагодарил гостей.

— Вы, похоже, не из наших мест?

— Мы странствующие даосы, — повторил Цзян Чаншэн свою легенду. — Сегодня же собираемся двинуться дальше.

— Тогда вам стоит поторопиться, — староста взглянул на горизонт. — Солнце уже клонится к закату. Совсем рядом Гора Ивань, а ночью там бродят кошки-оборотни и жуткие птицы. Зрелище не для слаонервных.

Цзян Чаншэн понял, что под «кошками» староста имел в виду зверя Хуань, и, не выказав страха, попрощался.

Гун Шичжу зашёл в свою каморку. В комнате было темно, лишь редкие блики света проникали снаружи. Он забился в угол и, обхватив колени руками, уткнулся в них лбом.

Вскоре из-за двери донеслись голоса — родители спорили.

— Какой позор! Опять этот приступ, да ещё и на глазах у чужаков!

— Тише ты, не кричи при мальчике.

— А чего мне бояться? Он всё равно ничего не слышит! Я уже всерьёз думаю, не одержим ли он. Посмотри на других детей в деревне — разве есть хоть кто-то, похожий на него? Мало того что дурачок, так ещё и глухой как пень!

— Ну... — вздохнул староста. — Столько лет прошло, мы ведь знаем его.

— Да мы его просто подобрали! Жизнь ему спасли! А он? Вечно влипает в неприятности. Дети постоянно на него жалуются, соседка Ли уже все уши прожужжала. Где мне глаза прятать от стыда?!

— Но это не всегда его вина... — голос старосты становился всё тише.

— Ах, значит, это моя вина?! — голос женщины сорвался на визг. — Это я сделала его идиотом? Это я лишила его слуха? Это я заставляю его пакостить?!

— Ладно, успокойся. Ты носишь ребёнка, тебе нельзя волноваться. Скоро всё наладится.

— Как же я жалею, что мы притащили его тогда с улицы! Казался таким славным ребёнком, а выросло одно проклятие...

Староста вздохнул. Его жена, погладив живот, смягчилась:

— Сделай с ним что-нибудь. И пусть в ближайшие дни он не попадается мне на глаза.

За окном ветер яростно трепал траву. Гун Шичжу смотрел, как вырванный с корнем сорняк уносится в небо и исчезает. Он разглядывал свои раны, и в его душе царил пустота.

Дверь скрипнула. Вошёл староста. Он посмотрел на съёжившегося в углу сына и тихо произнёс:

— Сын мой... Эх.

Гун Шичжу неподвижно смотрел на него. Последние лучи заходящего солнца коснулись его лица.

— Твоя мать... Она сейчас ждёт ребёнка, поэтому у неё такой характер, — староста погладил его по голове и жестами показал: — Ты ведь хочешь братика?

Подросток отчаянно закивал.

Отец замялся и неловко добавил жестами:

— Ты хороший мальчик. Но... постарайся в эти дни не попадаться ей на глаза.

Свет в глазах Гун Шичжу окончательно погас. Но он снова послушно, тяжело кивнул.

Староста ушёл. Подросток остался один. Раны на теле горели огнём.

Вдруг снова раздался стук. На этот раз вошла жена старосты. Гун Шичжу инстинктивно отпрянул, сжавшись ещё сильнее, словно пытался исчезнуть, чтобы не оскорблять её взор своим присутствием.

Женщина, тяжело дыша, сложила руки на животе. В её жестах читалось нескрываемое раздражение:

— Что ты прячешься, будто я зверь какой?

Юноша замотал головой.

Лицо женщины выражало брезгливость, но в руках она держала баночку с мазью.

— Это оставил тот даос, что привёл тебя, — нехотя просигналила она жестами. — Если есть раны — намажься.

Гун Шичжу остолбенело поднял голову. В тёмной, пахнувшей сыростью комнате его мачеха, прикрыв нос рукавом, протянула ему лекарство. Подросток на миг засомневался, стоит ли брать его. Когда его пальцы коснулись баночки, он отдернул руку, словно обжёгся.

Женщина вздохнула и просто положила мазь рядом с ним. Развернулась и вышла, не проронив больше ни слова.

В тишине комнаты Гун Шичжу дрожащими руками принялся втирать мазь в ссадины. Сначала стало ещё больнее, но вскоре пришла спасительная прохлада. В его взгляде появилось нечто

новое.

А снаружи завывал ветер. Маленький дикий цветок, подхваченный потоком, на мгновение приник к стеклу его окна.

Наступили сумерки. Закат испарил последние капли дневного зноя, и солнце медленно утонуло за горизонтом.

Глядя на заходящее светило и на Мо Ци, чья фигура в золотистых лучах казалась вылитой из бронзы, Цзян Чаншэн ощутил странное умиротворение.

— Когда вернёмся, нужно будет плотнее заняться делами, — лениво заговорил он. — После открытия филиала приняли всего сотню-другую посетителей. Маловато.

В этот раз в «Дневнике Гор и Морей» удалось открыть всего одну запись, и лавочник был крайне недоволен таким результатом.

— Хозяин, я проголодался! — Эр Пан ткнул его мягкой лапкой. — Ты обещал исцелить сердце несчастного котика вкусной едой.

Цзян Чаншэн оглянулся и увидел три пары умоляющих глаз. Достав из сумки припасённые рисовые колбки с начинкой, он протянул их зверям:

— Держите.

Но в этот миг всё изменилось.

Внезапный порыв ураганного ветра выбил еду из рук лавочника. В тишине пустых полей раздалось жуткое, пронзительное хихиканье, эхом разлетающееся по округе.

— Хи-хи-хи-хи!

Стая Трёхглавых воронов налетела подобно тёмному шторму. Они яростно забили крыльями, пытаясь перехватить падающее лакомство в воздухе.

Трое зверей взревели от ярости. Они мгновенно выпустили когти, и пара уродливых птиц рухнула на землю. Но врагов было слишком много. Вороны прибывали целыми тучами, хлопая крыльями и целясь клювами в головы защитников.

В глазах Мо Ци вспыхнул опасный огонь, и он уже собирался вмешаться, как вдруг перед ними мелькнула стремительная тень.

— Фью-ить!

Это было странное существо: тело барана, а лицо — человеческое. Одним своим появлением оно вызвало мощный всплеск силы, который буквально прибил десятки чёрных птиц к земле.

Цзян Чаншэн уже открыл рот, чтобы поблагодарить спасителя, но увидел, как тот молниеносно схватил одного ворона, вырвал у него из клюва рисовый колобок и отправил его в свой рот.

Лавочник лишился дара речи.

Существо с ликом человека и телом барана подняло голову и посмотрело на Цзян Чаншэна.

— А, это ты, — проговорило оно.

Затем монстр указал на остатки еды в руках лавочника:

— Такое... ещё есть?

<http://bllate.org/book/17549/1714462>